

А.М. СУНГУРСКИЙ

ПОКА ГОРА НЕ ОТПУСТИТ

А.М. Сунгурский

Пока гора не отпустит

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Пока гора не отпустит / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Семь лет назад в горах погиб сын Романа Волгина. Его так и не удалось похоронить. Теперь на леднике Мижирги обнаружены останки, а на присланной фотографии Роман узнаёт жёлтый мешочек с полосками, которые пришила его жена. Роман собирается вернуться за сыном. Группу поведёт его дочь Вера — профессиональный альпинист. Отец когда-то учил её ходить по горам. Теперь она проверяет его снаряжение, оценивает готовность и отвечает за всех шестерых. Роман согласен на её условия. Он ещё не знает, сможет ли выполнить главное: повернуть назад, когда дочь скажет, что дальше нельзя.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая фотография	5
Глава 2. Не по памяти	10
Глава 3. Шесть мест	14
Глава 4. Цена выхода	19
Глава 5. Кто держит конец	23
Глава 6. Выше села	27
Глава 7. Медленнее, чем умеешь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.М. Сунгурский

Пока гора не отпустит

Глава 1. Чужая фотография

Когда позвонил Азамат, Роман держал во рту винт. Мальчик у верстака смотрел на него с таким восторгом, будто именно ради этого пришёл в секцию: взрослый человек взял в рот железку, и никто его не остановил.

— Не повторяй, — сказал Роман, выплюнув винт в ладонь.

— А вы зачем?

— Чтобы ты увидел, как не надо.

Мальчик остался доволен объяснением. Роман положил разобранную застёжку на тряпку, вытер руки и достал телефон. Во дворе старого спортивного зала гудела косилка. Человек, который косил, всякий раз поднимал машину над выбоиной; звук делался тоньше, потом снова густел. Роман уже полчаса хотел выйти и показать, как обойти этот участок.

— Слушаю, Азамат.

— Роман Викторович, ты сейчас один?

Он посмотрел на мальчика. Тот уже примерял чужой шлем, надвигая его на глаза.

— Нет. Что случилось?

— Можешь отойти?

Так звонили про болезни. Про неприятности со взрослыми детьми. Про людей, которых знаешь много лет, но не настолько хорошо, чтобы первым говорить их жене. Роман вышел в коридор и прикрыл дверь мастерской. На стекле висела афиша детского турнира, выгоревшая с наружной стороны. Изнутри буквы ещё оставались красными.

— Говори.

— На Мижирги нашли человека. В верхней части. Вчера группа видела, сегодня передали фотографии. Там одежда... Я хочу тебе отправить одну. С вещью. Самого человека на ней нет.

Роман прижал телефон плотнее.

— Где нашли?

Азамат назвал место относительно знакомого Роману скального борта. Потом повторил, что точно пока ничего не установлено. Вещи могут оказаться похожими. Сообщение уже передали куда положено; сейчас речь только о том, стоит ли поднимать старые материалы по Кириллу.

— Отправляй.

— Ты сядь сначала.

— Я стою нормально. Отправляй.

В телефоне стало тихо. Роман убрал его от уха. На экране появилось изображение: серый лёд, мокрая тёмная ткань, часть лямки и жёлтый мешочек, прижатый к камню. Он увеличил снимок двумя пальцами. На ткани мешочка были нашиты три белых полосы — криво, с разными промежутками. Средняя короче остальных.

Ирина пришивала их вечером, сидя перед телевизором. Кирилл вертел мешочек, говорил, что теперь его за сотню метров видно. Она велела ему не хвататься за иголку, если не умеет терпеть две минуты. Роман тогда стоял у балконной двери и курил; Ирина просила закрыть, дым шёл в комнату. Он сказал, что уходит, но ещё постоял.

Всё это вернулось сразу, без семи лет между тем вечером и коридором.

Он нажал вызов.

— Это его.

— Я понимаю, почему ты так думаешь.

— Я не думаю. Полоски Ира пришивала. Одна короче, видишь? Она кусок взяла от старой куртки, там не хватило.

— Вижу. Я покажу вместе с твоими словами. Но по мешочку мы человека не устанавливаем, Роман Викторович. Ещё будут работать.

— Он там?

Азамат ответил не сразу.

— Там видны останки. Люди не стали подходить вплотную. Место нехорошее. Снимали оттуда, где могли стоять.

— Мне нужна точка.

— Будет у тех, кто станет готовить работу. Сейчас ты домой сходи.

— Я уже дома семь лет хожу.

Косилка затихла, и последние слова прозвучали слишком громко. Из мастерской выглянул мальчик в шлеме. Роман поднял ладонь, показывая, чтобы он подождал, и отвернулся к окну.

— Я завтра приеду, — сказал Азамат. — Сам. Если понадобится, вместе пойдём, поговорим. Сегодня ничего на горе сделать нельзя.

— Почему завтра?

— Потому что я сейчас не в Нальчике. Мне ехать несколько часов. И я хочу сначала узнать всё, что можно, а не приехать с этой картинкой и повторять тебе одно и то же.

Роман посмотрел на коридорную скамью. На ней лежал забытый детский носок — синий, с зелёным носом. Он вдруг почувствовал, что не может больше разговаривать стоя, и сел рядом, не убирая носок.

— Хорошо. Только позвони ещё.

— Позвоню.

Мальчик вышел из мастерской.

— Там мама приехала. Вы говорили, застёжку доделаете.

— Доделаю.

Роман поднялся, вернулся к верстаку и долго искал винт, который сам положил на тряпку. Мать мальчика стояла в дверях, прижимая к груди пакет. Он объяснил, что понадобится другой винт, нынешний короток. Она сказала, что может прийти завтра. Роман уже открыл рот возразить: дело было на пять минут. Потом отдал ей шлем и попросил зайти после обеда.

Когда они ушли, он собрал мелкие детали в коробочку. Винт нашёлся под собственной ладонью. Длина у него была правильная.

* * *

Ирина не услышала, как он вошёл. На кухне работало радио, и она стояла у гладильной доски, вытягивая паром узкую полосу красной ткани. Под её босыми ногами лежал старый одеяльник. Так она спасала пол от мелких ниток, хотя потом всё равно приходилось подметать.

— Рано ты, — сказала она, заметив его в дверях. — Суп в холодильнике. Только кастрюлю не всю ставь, налей себе.

Он не ответил. Ирина подняла утюг и посмотрела на него внимательнее.

— Что?

Роман достал телефон. Экран погас, пока он нёс его от двери, и пришлось снова открывать фотографию. Он впервые заметил, что у него дрожит большой палец.

— Азамат прислал. На Мижирги нашли.

Она поставила утюг вертикально, взяла телефон и некоторое время смотрела, не приближая его к лицу. Роман хотел увеличить снимок. Она закрыла экран ладонью.

— Не надо. Я вижу.

— Три полосы. Твои.

Ирина села на кухонный стул. Красная ткань соскользнула с доски; один конец остался висеть, другой лёг на пододеяльник.

— Это сейчас снято?

— Вчера.

— А он?

Роман повторил слова Азамата. Ему казалось жестоким произносить «останки» здесь, где на холодильнике ещё держалась школьная фотография Кирилла с кривым воротником. Он сказал «человек», потом запнулся и всё-таки употребил то слово, которое услышал.

Ирина кивала. Слишком часто, прежде чем он успевал закончить фразу.

— Значит, надо будет... — Она посмотрела на свои руки. На указательном пальце был напёрсток. Ирина сняла его, положила на стол и только после этого спросила: — Когда его привезут?

— Пока не знаю. Надо собирать людей.

— Кто собирает?

— Я поговорю. Азамат завтра будет.

— Ты уже решил идти?

Он прислонился к холодильнику. За спиной стукнул магнит.

— Я ещё ничего не решил. Только узнал.

Ирина смотрела на него, держа телефон двумя руками. У неё были сильные пальцы с короткими ногтями. Роман помнил, как легко она когда-то поднимала обоих детей, по одному на каждое бедро, и смеялась, когда они хватались за её волосы. Теперь на среднем пальце распух сустав. Она прятала руку в карман, если замечала его взгляд.

— Я спросила не про решение, — сказала она. — Ты туда собираешься?

— Да.

Радио объявило время и прогноз. В Нальчике обещали жару, к вечеру дождь. Роман хотел выключить, но Ирина сама потянулась к маленькому приёмнику на подоконнике и повернула ручку.

— Позвони Вере.

— Сначала узнаю всё.

— Позвони сейчас.

— Что я ей скажу? То же самое? Пусть хоть будет понят...

— Что нашли вещь её брата. Она это переживёт вместе с нами, а не после того, как ты разрешишь.

Он отнял телефон у неё слишком быстро. Ирина отпустила, не удерживая, и это почему-то разозлило ещё сильнее. Он вышел на балкон, выбрал номер дочери и долго слушал гудки.

Вера ответила на ветру.

— Пап, я на занятии. Что-то срочное?

Услышав слово «занятие», он уже хотел сказать, что перезвонит. Дочь работала, это было разумно — не дёргать человека посреди работы. Потом посмотрел через стекло на Ирину, которая сидела в той же позе у стола.

— Нашли, возможно, Кирилла.

Ветер шумел ещё несколько секунд.

— Подожди, — сказала Вера.

Он услышал её голос в стороне, обращённый к кому-то другому: просьбу принять группу, объяснение, где лежит аптечка. Потом дверь хлопнула, и ветер исчез.

— Говори, я слушаю.

Он начал с полосок. Рассказал, как Ирина пришивала их, хотя Вера тоже была тогда дома. Дочь не перебивала. Когда он закончил, спросила, кто видел останки, кому сообщили и есть ли связь с руководителем группы, сделавшей снимок. Роман ответил только на часть вопросов.

— Азамат завтра приедет.

— Хорошо. Я вечером буду у вас.

— Не надо бросать работу. Мы же ничего сейчас...

— Я после работы приеду. Маме дай телефон.

Он хотел ещё сказать, что на снимке жёлтая ткань почти не выцвела. Но Вера уже повторила:

— Папа, пожалуйста, дай маме.

Роман вернулся в кухню. Ирина взяла телефон и сразу сказала:

— Да, Верочка.

Больше он не слушал. Поднял красную ткань с пола, свернул, положил на спинку стула. Потом выдернул шнур утюга из розетки. Провод зацепился за ножку доски; Роман освободил его, смотал слишком туго и снова распустил.

* * *

К вечеру он успел позвонить трём старым знакомым. Один сразу предложил деньги. Второй сказал, что больше не ходит выше лагеря, но найдёт снаряжение. Третий стал вспоминать Кирилла, и Роман оборвал его посреди рассказа: ещё не всё известно, потом поговорим.

Он достал с антресолей большой синий баул. Ирина застала его у лестницы, постояла рядом, ничего не сказав, и прошла в ванную. Роман отнёс баул в комнату. Внутри пахло сухой пылью и старой синтетикой. Он вынул куртку, положил на диван. Она была хорошая, он надевал её прошлой осенью. Проверил молнию, карманы. В одном нашёл засохшую конфету.

Вера приехала без Дениса, с пакетом персиков. Принесла их в кухню, обняла мать и задержалась так долго, что Роман, стоявший в дверях, отвёл глаза. Дочь была загорелая, нос шелушился. Волосы она коротко обрезала ещё зимой, но отец каждый раз замечал это заново.

— Привет, пап.

Он обнял её одной рукой. Другой держал куртку.

— Проходи. Вот, посмотрю, что есть.

Вера отступила и посмотрела на баул. Потом перевела взгляд на его лицо.

— Ты уже собираешься?

— Проверяю вещи.

— Когда ты последний раз был на такой высоте?

— В сентябре. Ты знаешь.

— Знаю, что ты был в лагере. Выше куда ходил?

Он назвал выход. Вера не стала ни хвалить, ни спорить. Сняла рюкзак и села на край дивана, отодвинув рукав куртки.

— Мне Азамат переслал то, что у него есть. Я с ним поговорила по дороге. Пока никто не понимает, как там работать.

— Поймём.

— Да. Но не вчетвером по старой дружбе.

— Кто тебе сказал про четверых?

— Никто. Я тебя знаю.

Роман бросил куртку на диван. Вера убрала ногу, чтобы ткань не накрыла колено.

— Ты приехала ругаться?

— Я приехала к вам. И хочу, чтобы ты сегодня перестал набирать людей.

— Это мой сын.

— А это мой брат.

Ирина появилась в дверях с вымытыми персиками. Она поставила миску на столик между ними, хотя никто не собирался есть.

Роман сел в кресло. Спинка была слишком мягкой, и он сразу подался вперёд, положив локти на колени.

— Я не могу опять остаться здесь, — сказал он.

Вера долго смотрела на него. Потом взяла персик, провела пальцем по вмятине на боку и положила обратно.

— Я понимаю, что ты хочешь идти.

— Ты думаешь, я не дойду?

— Я думаю, что сначала надо узнать, можно ли туда идти вообще. И кто будет руководить.

— Найдём.

Она подняла глаза.

— Если я возьмусь, ты будешь меня слушать?

В кухне щёлкнул и загудел холодильник. Роман вдруг увидел дочь так, как видел её чужой человек на занятии, — с обветренным лицом, длинной царапиной на запястье и взглядом, ожидающим точного ответа.

— Конечно.

— Даже если я скажу возвращаться?

Он кивнул сразу. Вера не кивнула в ответ.

— Скажи словами, папа.

Роман посмотрел на фотографию сына над письменным столом. Кирилл стоял на снегу в расстёгнутой куртке, улыбался тому, кто держал камеру. Снимала Вера. Это Роман помнил.

— Буду, — сказал он. — Если ты поведёшь, буду.

Вера потянулась к миске. Выбрала тот же персик с вмятиной и, не успев найти салфетку, откусила. Сок потёк по пальцам. Ирина протянула ей полотенце, а Роман встал и отнёс синий баул обратно в коридор, чтобы он не лежал у всех под ногами.

Глава 2. Не по памяти

Азамат приехал на следующий день с разбитой банкой варенья. Банка лопнула в пакете, и теперь он стоял в прихожей Волгиных, держа перед собой липкий свёрток.

— Фатима передала, — сказал он. — Хорошо передала. Я плохо довёз.

Ирина взяла пакет, потащила на кухню и велела ему ничего не трогать, пока не помоеет руки. Роман ждал у стола, на котором уже лежали блокнот, очки и телефон. Вера задерживалась. Он дважды посмотрел на часы, но звонить не стал: дочь написала, что будет в одиннадцать, а было ещё без десяти.

Азамат вернулся из ванной, вытирая пальцы бумажным полотенцем. Сорок один год, редкая седина у висков, спокойное лицо, которое становилось совсем другим, когда он смеялся. Роман знал его с восемнадцати, помнил худым парнем в чужой большой куртке. Теперь Азамат был шире в плечах, чем он сам, и это всё ещё иногда удивляло.

— Садись. Чай будешь?

— Потом. Вера сейчас придёт?

— Сейчас. Показывай.

Азамат положил телефон на стол экраном вниз.

— Дождёмся. Чтобы два раза не говорить.

Роман подвигал блокнот, выровнял его по краю скатерти. Ирина принесла блюдо с вареньем. Стекло она не пыталась выбирать: из другой, целой банки положила две ложки и сказала, что Фатиме не надо знать про аварию. Азамат посмотрел на неё благодарно, но признался, что уже рассказал жене. Та велела взять по дороге что-нибудь другое, а он забыл.

Вера вошла в одиннадцать ровно. Села рядом с матерью, положила на стол тетрадь и спросила у Азамата, можно ли ей записывать.

Он кивнул и повернул телефон.

На этот раз изображение было шире. Роман узнал излом скал, хотя с того места сам никогда не смотрел. Внизу виднелась неровная полоса льда, затем камни, а выше — тень, похожая на открытую дверь. Возле неё жёлтый мешочек почти терялся. Роман нашёл его сразу, и всё остальное на снимке перестало иметь значение.

— Вот отсюда снято, — сказал Азамат, показывая на второй фотографии место, где стояли люди. — Они шли своей задачей, увидели цвет. Подошли до этого выступа, дальше не полезли. Светлана говорит, что ниже видно ещё ткань. Предметы не трогали.

— Значит, доступ есть, — сказал Роман.

— Для взгляда есть. Для работы пока не знаем.

Азамат перечислил, что уже передано спасателям и правоохранителям. Говорил без чиновных слов, но всякий раз отделял то, что видел человек на месте, от того, что они теперь предполагали по фотографии. Роман помнил, как сам учил его этому. Сейчас хотелось сказать: я всё понимаю, давай дальше.

Вера спросила, можно ли поговорить со Светланой. Азамат набрал номер и включил громкую связь с её согласия. Женщина отвечала быстро, у неё за спиной кто-то смеялся, потом звук отдалился. Она подробно описала, откуда смотрела, сколько времени оставалась и почему решила не приближаться. На вопрос Романа, видела ли лицо, сказала:

— Нет. И не стала бы вам обещать, что там можно что-то узнать по лицу.

Он посмотрел на Ирину. Та сидела неподвижно, сложив руки на коленях.

— Спасибо, — сказала Вера. — Ты можешь прислать исходные снимки тем, кто занимается находкой? Без пересжатия.

— Уже отправила. Азамату тоже. Если надо ещё кому-то, скажите. Только я очень прошу не выкладывать. Там на одном мой напарник, он не хочет.

— Не будем, — ответила Ирина раньше всех.

После звонка Роман встал за водой. Он принёс стакан, но не выпил. Вера спрашивала о подходе, о нынешнем состоянии ледника, о людях, которые недавно были в той части массива. Всё это было правильно. Он чувствовал себя человеком, перед которым медленно открывают несколько замков, хотя дверь уже приоткрыта и можно протиснуться.

— Я знаю Олега, — сказал он наконец. — Позову.

Азамат перестал листать фотографии.

— Ты с ним говорил?

— После смерти его матери. Зимой.

— А про это?

— Ещё нет.

— Тогда сначала поговори.

Вера посмотрела на отца. Роман не знал, когда она в последний раз видела Доронина. В восемнадцатом Олег вернулся с гор без Кирилла. Потом долго ходил по их квартире, отвечал на вопросы, на которые уже ответил, садился только после третьего приглашения. Роман помнил, как он оставил у двери свои грязные ботинки, хотя никто не просил. Ирина потом вынесла их на балкон сушиться, а Доронин, собираясь уходить, решил, что она выбросила их, и побледнел.

— Он был там, — произнёс Роман.

— Тогда был, — ответил Азамат. — Сейчас другое место, другой лёд. И человек другой.

— Он хороший альпинист.

— Я не спорю.

Ирина поднялась, собрала чашки. Роман хотел остановить её: они ещё не закончили, она тоже должна слышать. Но она поставила посуду в мойку и осталась у окна.

— Я хочу понимать одно, — сказала она. — Если вы туда не пойдёте сейчас, его опять потеряют?

Азамат медленно выдохнул.

— Место может измениться. Может закрыть снегом, может лёд сдвинуться. Мы не можем обещать, что оно сохранится таким. Но из этого не следует, что можно выходить завтра. Нам надо подготовиться.

— Сколько?

— Не день и не два. Сначала разобраться с работой, с доступом, с составом. Потом погода и высота.

Ирина кивнула. Роман ожидал, что она станет торопить, и приготовился поддержать её. Вместо этого она спросила, кому нужно отдать старые фотографии Кирилла и сохранившиеся документы. Азамат объяснил, к кому обратиться, и записал номер.

Вера закрыла тетрадь только через час. На последнем листе появились шесть коротких строк: люди, медицина, снаряжение, связь, транспорт, резерв. Под ними она дописала: «Кто остаётся внизу».

— Ты будешь руководить? — спросил Азамат.

— Если после осмотра и подготовки мы вообще возьмёмся. И если ты согласишься работать со мной.

— С тобой я согласен. — Он повернулся к Роману. — А ты?

— Уже сказал вчера.

— Хорошо.

Азамат не потребовал повторить обещание. Взял последний кусок хлеба, провёл им по блюду и спросил у Ирины, нет ли какой-нибудь пустой банки взамен разбитой: Фатима считала банки и всё равно узнает.

* * *

Ирина опоздала в мастерскую на полтора часа. Ей не сказали ни слова, и от этого стало хуже. Обычно Зоя Михайловна непременно замечала, что рабочий день у них начинается одинаково для всех, даже для людей с большим талантом. Сейчас она лишь пододвинула к Ирине стул и спросила, не надо ли снять с неё завтрашнюю примерку.

— Не надо. Я сделаю.

На длинном столе лежал кафтан, который вчера ещё был просто кучей красной ткани. Сегодня он уже требовал человека внутри: плечи держали форму, рукава свисали с края, золотистая тесьма намечала будущий блеск. Ирина попробовала вдеть нитку и обнаружила, что не видит отверстия иглы. Очки лежали перед ней.

Зоя принесла чай. Поставила рядом, не слишком близко к ткани.

— Ты скажи, если тебя оставить.

— Оставь.

— Хорошо.

Зоя ушла к своей машине. Несколько минут Ирина слушала, как стрекочет мотор. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь спросил о сыне, и одновременно она была благодарна, что её оставили в покое.

Молодой актёр пришёл на примерку в футболке с пятном. Он извинялся: кофе пролил в машине, сменить не успел. Ирина велела снять часы, чтобы не зацепить подкладку. Подняла кафтан, помогла просунуть руки. Он оказался выше, чем она помнила, или просто перестал сутулиться.

— Так? — спросил он, выпятив грудь.

— Ты на сцене так стоять будешь?

— Если царь очень доволен собой.

— А если нет?

Он опустил плечи, сложил руки на животе и сделал обиженное лицо. Ирина неожиданно засмеялась. Смех вышел короткий, резкий; актёр испугался, решил, что сделал что-то не то.

— Стой ровно, государь. Рукав мне нужен.

Она обошла его, заколола лишнее у плеча, попросила поднять руку. Он поднял обе, как сдаваясь. Ирина хлопнула его по запястью сантиметровой лентой.

— Одну. И не спасайся от меня, я не стреляю.

Работа вернулась в пальцы. На двадцать минут ей стало понятно, что делать: убрать здесь, выпустить там, не перетянуть пройму. У чужого костюма были исправимые недостатки.

Когда актёр ушёл, Зоя подошла с блокнотом.

— Про комнату я спросила. Хозяйка пока ни с кем не договорилась. Но у неё люди из Майкопа собираются приехать, им надолго надо.

Ирина посмотрела на неё.

— Ты сказала, кто я?

— Что у нас работаешь. Без подробностей.

Разговор о комнате начался за неделю до звонка Азамата. Ирина тогда впервые произнесла вслух, что хочет пожить отдельно от мужа. Не развестись немедленно, не наказывать его, а просыпаться в месте, где с утра не надо угадывать, какой день его памяти сегодня наступил. Зоя не стала спрашивать, хорошо ли она подумала. Нашла знакомую с пустой однокомнатной квартирой.

Теперь мысль об этой квартире казалась неприличной. Там сын никогда не жил. Там не знали, каким он был ребёнком. Ирина могла занести туда свои чашки, закрыть дверь и оказаться женщиной, которая уходит именно тогда, когда мужа постигло новое горе.

— Я пока не знаю, — сказала она.

— Я ей так и передам.

Зоя не стала перечислять причины подождать или поторопиться. Ирина вернулась к кафтану. В кармане завибрировал телефон: Роман спрашивал, где лежит папка с документами Кирилла. Она написала: «В нижнем ящике моего шкафа. Не на антресолях». Потом добавила: «Я сама вечером достану». Первое сообщение уже ушло.

* * *

Олег Доронин ответил только к ночи. Роман сидел на балконе, упираясь коленями в металлическое ограждение. Внизу кто-то долго пытался поставить машину между двумя другими. Каждый раз выезжал, менял угол и начинал снова. Роман следил за ним с раздражением, будто водитель нарочно оттягивал звонок.

— Видел я пропущенные, — сказал Олег. — Был на объекте. Что у тебя?

Он теперь занимался промышленным альпинизмом, ездил по городам, иногда пропадал на несколько недель. Роман рассказал о находке. На другом конце стало слышно, как гудит вентиляция.

— Пришли, — сказал Олег.

Роман отправил снимок с мешочком. Ждал, не отключая вызов.

— Похож, — произнёс Доронин.

— Не похож. Это он.

— Я про мешок.

Роман сжал телефон. Машина внизу наконец втиснулась, водитель вышел, посмотрел на расстояние до бордюра и снова сел за руль.

— Мы собираем группу. Вера поведёт. Азамат будет. Я хочу, чтобы ты тоже пошёл.

— Зачем я?

— Ты знаешь. Ты был с ним.

Олег молчал так долго, что Роман посмотрел на экран, проверяя связь.

— Я был с ним семь лет назад, Рома. То, что ты от меня хочешь, я не умею.

— Я хочу нормального участника. Ты нормально ходишь, у тебя опыт.

— Тогда пусть Вера позвонит. Расскажет работу, сроки, что от меня нужно. Я подумаю.

— Ты не хочешь его забрать?

Олег тихо выругался. Не на Романа — будто ударился обо что-то в комнате.

— Не спрашивай меня так.

Роман посмотрел в темноту над крышей соседнего дома. Там не было видно гор, хотя он знал, в какой стороне они начинаются.

— Прости, — сказал он. — Я не это хотел.

— Я понял, что ты хотел. Пусть она позвонит.

Олег отключился. Роман остался с телефоном у уха, затем опустил его. Внизу водитель закрыл машину и ушёл, оставив её криво. Теперь никому, кроме Романа, это не мешало.

Глава 3. Шесть мест

Денис купил кухонный стол без Веры. Он давно обещал это сделать, и она сама прислала ему ссылку, но, войдя вечером в квартиру, всё равно остановилась на пороге: новый стол занимал место старого, а кухня казалась незнакомой.

— Только не говори, что цвет другой, — попросил Денис. — Я коробку уже разрезал.

Он сидел на полу с отвёрткой. Одна ножка лежала рядом, хотя стол уже стоял на четырёх. Вера посмотрела внимательнее: одна из тех четырёх была из упаковочного картона.

— Ты его поддержал коробкой?

— Временно. Пока эта не подходит.

— Давай я...

— Нет, ты сейчас поешь. Потом будешь спасать мою репутацию.

Она села на табурет и впервые за день почувствовала голод. На плите остывала картошка с курицей. Денис поставил перед ней тарелку, сам устроился на подоконнике и спросил, как прошла встреча.

Вера рассказала. Без фотографий: он видел её лицо и не просил дополнительных доказательств. Когда она дошла до состава группы, Денис слез с подоконника, убрал со стола пакет с крепежом и спросил:

— Ты уже согласилась?

— Согласилась готовить. Сам выход ещё не решён.

— А по времени?

Она опустила вилку. Они собирались в августе к его родителям в Ростов-на-Дону, а потом на несколько дней к морю. Впервые за три года у неё получался свободный кусок лета. Денис взял отпуск, поменявшись с коллегой, и ещё вчера она знала точные даты.

— Пока не скажу.

— Билеты возвращать?

— Подожди немного.

— Сколько — немного?

Вера посмотрела на него. Денис был усталый, на переносице краснела полоса от очков. Он не повышал голоса, но держался слишком прямо, будто боялся, что она примет его обычный вопрос за слабость.

— Я не знаю, Денис.

Он кивнул, взял отвёртку и снова сел на пол.

— Хорошо. Узнаешь — скажи. Там за возврат потом будет больше.

Вера ела, слушая, как он разбирается с ножкой. Ей хотелось, чтобы он отложил стол и обнял её, но она понимала: если попросит сейчас, он обнимет, а вопрос никуда не денется.

— Ты сердишься?

— Да.

Ответ был настолько прямой, что она отодвинула тарелку.

— На меня?

— На всё. На то, что это случилось. На то, что я буду ждать и мне даже нельзя толком сердиться. На эту ножку, она вообще не от этого стола, по-моему.

Он поднял деталь, сравнил отверстия и рассмеялся без веселья.

— Извини. Я знаю, что у тебя.

Вера пересела на пол рядом. Взяла инструкцию, повернула лист.

— Она с другой стороны ставится.

— Не может быть.

— Может. Вот эта перемычка не сюда.

Он посмотрел, потом отдал ей отвёртку.

— Ладно. Спасай.

Они поменяли две детали местами, и ножка подошла. Вера держала стол, пока Денис затягивал винты. От его плеча пахло пылью и шампунем. Она прислонилась к нему лбом, мешая работать.

— Я хочу с тобой поехать, — сказала она.

— Я знаю.

— Правда хочу.

Он положил отвёртку.

— Тогда, когда станет понятно, мы решим. Только не делай так, будто поездка уже сама собой исчезла. Скажи мне, если она исчезла.

Вера кивнула. Они ещё минуту сидели на полу, держась за руки, а стол теперь мог стоять без них.

* * *

Юлия Соколова пришла на встречу с велосипедом. Втащила его на площадку перед кафе, пристегнула к перилам и только потом поздоровалась. На правой штанине у неё была пластиковая прищепка.

— Не смейся. Три раза уже цепь жевала. Я дорогие штаны больше не покупаю, поэтому теперь она ест дешёвые.

Вера улыбнулась и подвинула ей чашку. Они вместе ходили два сезона назад, а зимой встретились на учебных сборах. Юлия работала врачом, брала отпуск на горы и не любила, когда её представляли словами «наш доктор»: говорила, что у неё, кроме профессии, есть ещё имя.

Она выслушала Веру, задала несколько вопросов о составе и предполагаемом участке. На словах об отце сняла прищепку со штанины, повертела в пальцах.

— С ним у тебя как?

— В каком смысле?

— Ты можешь сказать ему, что он не идёт?

— Могу.

— А он может это услышать?

Вера не ответила сразу. Юлия положила прищепку возле чашки.

— Мне не нужен хороший ответ. Мне нужен настоящий.

— Он обещал. Но я не знаю, как будет на месте.

— Это уже похоже на правду.

Юлия согласилась участвовать при условии, что подготовка будет включать осмотр и проверку готовности каждого, а запас по времени не исчезнет из-за удобного числа в календаре. Она не обещала, что сможет справиться наверху с любой травмой. Вера и не собиралась этого спрашивать, но всё равно почувствовала облегчение от прямооты.

— И ещё, — сказала Юлия. — Мне надо заранее договориться на работе. У меня подмена, у неё ребёнок. Если срок уезжает, я могу выпасть из состава. Не потому, что передумала.

— Понимаю.

— Запиши. А то в горах все понимают, пока им не скажут, что в понедельник надо домой.

Вера записала срок. Потом спросила про велосипед, и Юлия рассказала, как купила его у человека, который уверял, что катался всего дважды. По состоянию цепи выходило, что оба раза он пересёк материк. Вера смеялась, и ей было странно: они только что обсуждали останки брата, а теперь можно было смеяться и никто не считал это предательством.

Макар подошёл, когда Юлия уже собиралась уходить. Принёс три пирожка, хотя его никто не просил. Один оказался с повидлом, и он никак не мог вспомнить который.

— Значит, делим риск, — сказала Юлия и выбрала самый большой.

Макар смутился. Ему было двадцать семь, он умел двигаться по сложному рельефу спокойно и точно, но в кафе постоянно задевал локтем то сахарницу, то чужую чашку. Вера работала с ним прошлым летом. Он не задавал лишних вопросов на маршруте и задавал слишком много после, особенно если считал, что решение можно было принять лучше.

— Я могу весь август, — сказал он. — Но мне нужно понимать деньги.

Юлия перестала жевать. Вера увидела, что Макар заметил паузу и готовится оправдаться.

— Это нормально, — сказала она. — Я ещё считаю. Будет оплата за работу, расходы отдельно. Никого не зову за память.

— Я не в том смысле, что...

— Я поняла, в каком.

Макар выдохнул и рассказал о курсе, на который записался осенью. Надо было оплатить вторую часть. Он уже отказался от двух лёгких коммерческих выходов, но от третьего пока не отказался и просил решить до пятницы.

Вера записала ещё одну дату. Тетрадь быстро переставала быть местом для надежды. В ней появлялись чужие обязательства, и каждое нужно было учитывать, если она собиралась отвечать за этих людей.

— Олег Доронин с нами? — спросил Макар.

— Я с ним вечером говорю.

— Хорошо бы. Он на жумаре...

Макар остановился, увидев её лицо.

— Что?

— Ничего. Договори.

— Он сильный. Я с ним работал. Не начинает суетиться, когда все уже устали.

Вера кивнула. Ей было важно услышать о Доронине что-то, не связанное с последним днём Кирилла.

* * *

Роман пришёл на осмотр раньше назначенного времени. Юлия встретила его в коридоре знакомой клиники, где договорилась о консультации, и сразу сказала, что сама его допускать не будет: она идёт с ним в одной группе, ей нужна отдельная оценка.

— Я не просил поблажек, — ответил он.

— Знаю. Поэтому и говорю.

Он достал из папки прежние заключения, результаты обследований, список лекарств, которые принимал. Список был короткий. Роман подчёркнуто положил его сверху, будто это доказывало больше, чем всё остальное.

Врач оказался моложе Веры. Говорил спокойно, не называл его дедушкой, не спрашивал, зачем в таком возрасте куда-то лезть. Это Роману понравилось. Потом врач попросил описать предполагаемую нагрузку и сроки пребывания на высоте, и Роман поймал себя на желании сделать их немного легче.

Юлия сидела рядом, не вмешиваясь. Он всё-таки рассказал так, как обсуждали с Верой.

Осмотр не дал удобного мгновенного «можно». Понадобились дополнительные проверки, несколько дней и разговор о том, что нынешняя хорошая форма не заменяет акклиматизацию. Роман выполнил всё, хотя ворчал, что они проверяют его дольше, чем автомобиль перед дальней дорогой.

— Автомобиль, если что, оставляют у обочины, — сказала Юлия. — С тобой этот вариант не рассматриваем.

Он хотел обидеться, но она уже улыбалась, и ему пришлось улыбнуться тоже.

После повторной встречи они вышли вместе. Серьёзного препятствия к планируемой подготовке не нашли; окончательное решение о выходе всё равно зависело от фактического состояния на месте. Роман услышал первую часть яснее второй.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь можно заниматься делом.

Юлия остановилась у велосипеда.

— Мы и занимались.

Он посмотрел на неё и рассмеялся. В этот раз без раздражения.

— Ты с моей дочерью поёшься.

— Уже. На тебя репетировали.

Роман помог ей освободить цепь замка, которая застряла между спицами и перилами. Делал это осторожно, не отнимая велосипед из её рук. Юлия поблагодарила, села и уехала, а он пошёл к остановке, чувствуя такую лёгкость, будто ему вернули не возможность подняться, а несколько лет возраста.

* * *

Олег приехал в Нальчик через неделю. Вера встретила его у зала, где заканчивала занятие. Он стоял в тени, держа бумажный стакан, и сначала не узнал её с короткими волосами.

— Ты как школьница стала, — сказал он и тут же поморщился. — Плохое начало. Прости.

— Нормально. Только школьнице не придётся платить за твою работу.

Он улыбнулся. Они прошли в пустую комнату, где хранились маты, и Вера разложила фотографии, схему района и список задач. Олег слушал, не перебивая. Только один раз попросил вернуть предыдущий снимок и долго смотрел на скальный край.

— Ты узнаёшь? — спросила она.

— Район — да. Вот это место — нет. Тогда оно так не выглядело. Или я с этой стороны не видел.

— Хорошо, что говоришь.

Они обсуждали подход, груз, запас, возможность повернуть, связь с оставшимися внизу. Олег задавал конкретные вопросы. Вера заметила, что сама тоже перестала видеть в нём человека, которого отец семь лет назад привёл домой и заставил повторять одно и то же.

— Я возьмусь, — сказал Доронин. — Если состав такой и если ты не будешь слушать Романа вместо себя.

— Это условие ты можешь предъявлять мне после первой ошибки.

— Могу до неё. Я знаю, как он умеет просить.

Вера убрала фотографии.

— Мне важно ещё одно. Ты не обязан рассказывать нам про Кирилла каждый вечер. Но если что-то касается работы, говоришь сразу.

Олег покрутил пустой стакан.

— Он был взрослый, Вера.

Она подняла голову.

— Я знаю.

— Иногда мне кажется, что у вас он снова мальчик. Особенно у Романа. А я помню взрослого мужика, который мог меня послать и потом полдня не разговаривать. Я не знаю, можно ли теперь такое говорить.

— Мне можно.

Он посмотрел на неё внимательно, словно проверяя, действительно ли разрешение относится ко всему, что она сейчас пообещала.

— Хорошо.

Когда Олег ушёл, Вера дописала шестую фамилию. Под списком оставалось пустое место для людей, которые будут помогать снизу. Сложила лист, позвонила Денису и сказала, что поездку в августе нужно отменить.

Он помолчал, затем спросил:

— Обратно билеты мне тоже сдавать?

— Ты можешь поехать один. К родителям.

— Я и поеду. Только позже. Когда ты вернёшься.

Вера закрыла глаза.

— Не надо из-за меня сидеть здесь всё лето.

— Я сейчас сам решаю, Вер. Дай мне хотя бы это.

Она прижала телефон к щеке и согласилась. В пустой комнате пахло резиной матов; снаружи дети кричали тренеру, что забыли бутылку. Вера нашла её под скамьёй и вынесла, продолжая слушать, как Денис рассказывает о новом столе: утром обнаружилось, что он всё-таки качается, но теперь причина была в полу.

Глава 4. Цена выхода

Роман думал, что самое трудное — собрать деньги. Когда сумма наконец появилась в таблице, выяснилось, что труднее не потратить её всю сразу.

Вера сидела за его письменным столом, Азамат стоял у окна, а Роман ходил между ними, каждый раз задевая бедром угол дивана. В таблице были расходы на людей, снаряжение, транспорт, проживание, питание и отдельный резерв. Последняя строка раздражала больше остальных. Деньги лежали и ничего не делали.

— Если не хватит, я ещё найду, — сказал он.

— Поэтому сейчас считаем так, чтобы не пришлось искать на горе, — ответила Вера.

— Ты меня за ребёнка держишь?

Она подняла голову, но Азамат успел раньше:

— Меня тоже держала. Я вчера хотел убрать запасной день машины. Потом сам вернул.

Роман остановился. На столе рядом с ноутбуком лежал старый деревянный ящик для мелочей. Кирилл когда-то выжег на крышке кривого орла; одна лапа получилась длиннее другой. Роман передвинул ящик подальше от чашки Веры.

Часть денег составляли его сбережения, часть дали друзья. Ещё он собирался продать машину. Вера возражала против продажи, пока не станет ясно, что операция вообще возможна. Роман слышал в этом нежелание признать его решимость. Азамат предложил сначала занять недостающее, и тогда Роман обиделся уже на другое: почему он должен брать в долг, если у него есть своё имущество?

Ирина слушала из кухни. В какой-то момент вышла, положила на стол конверт и сказала:

— Это с нашего вклада. На выход я отдаю половину. Остальное мне нужно.

Роман посмотрел на конверт.

— Ира, я тебе говорил, мы потом...

— Ты мне говорил, что всё вернёшь. Я не прошу возвращать. Я говорю, сколько отдаю.

Вера откинулась на спинку стула, провела пальцами по закрытой тетради. Потом снова придвинулась к столу.

— Этого хватает без продажи, — сказала она, сверившись с таблицей. — Если согласуют то, что мы просили по снаряжению. И с резервом.

Ирина кивнула и ушла. Роман провёл пальцем по краю конверта. Он ещё не знал, что на оставшиеся деньги жена собирается снимать квартиру. Но уже почувствовал в её спокойствии отдельное решение, к которому его не пригласили.

* * *

Человек, ведший материалы по находке, принял их в кабинете с открытым окном. С улицы пахло нагретым асфальтом. Вера принесла фотографии, список участников и то, что удалось собрать по прежнему несчастью. Роман принёс всё остальное: копии, старые записки, распечатки, письма. Папка не закрывалась.

Ирина пришла с ними. Она редко бывала в таких кабинетах и сначала села на край стула, положив сумку на колени. Потом услышала, как Роман снова начинает рассказывать про белые полосы, и перебила:

— Мы понимаем, что это пока не установлено. Скажите, что понадобится после извлечения.

Мужчина объяснил порядок, не обещая быстрого результата. Надо будет сохранить всё, что относится к находке, передать останки и вещи для необходимых исследований, сопоста-

вить сведения. Семья заранее предоставит то, что у неё запросят. Известная история гибели и знакомая вещь помогут работе, но не заменят её.

Роман слушал, сжав колени. На слове «исследования» Ирина чуть сильнее прижала сумку, затем спросила о сроках. Ей ответили, что сейчас точных сроков назвать нельзя.

— А если мы подойдём и увидим, что не можем забрать? — спросила Вера.

— Передадите фактические сведения. Не надо делать то, что угрожает людям. Мы это с вами и со спасателями отдельно проговорим.

Она кивнула. Роман увидел, что дочь облегчённо выдохнула. Ему было неприятно, будто она заранее получила разрешение вернуться ни с чем.

Потом говорили о том, кто и как фиксирует находку, что можно перемещать в рамках согласованной работы, кому сообщать изменения. Не всё решилось за одну встречу. Пришлось приходить ещё, связываться с людьми в районе, уточнять доступ и организацию. Регистрация группы у спасателей оказалась одной задачей, работа с останками — другой. Роман сердился на это разделение, пока Азамат не спросил, хотел бы он, чтобы неизвестные люди вынесли Кирилла, никому ничего не сказав, и оставили возле дороги.

— Не передёргивай, — сказал Роман.

— Я не передёргиваю. Нам надо знать, кому передаём.

После этого Роман перестал спорить вслух.

Он сам позвонил знакомому, который предлагал собрать деньги в интернете, и отказался от публичного сбора. Тот удивился: сумма была заметная, люди помогли бы. Роман поблагодарил, объяснил, что пока хватает. Ему не хотелось потом отвечать сотне незнакомых людей, почему они повернули или почему тело не привезли в назначенный день. Он не назвал эту причину, но Вера, сидевшая рядом, кажется, поняла.

* * *

В субботу Ирина открыла нижний ящик шкафа. Там лежала папка, которую Роман уже успел вытащить и вернуть, переложив бумаги по своему порядку. Рядом хранились детские рисунки, два старых паспорта и конверт с фотографиями, не вошедшими в альбом.

Она собиралась найти снимок Кирилла в нужной куртке. Вместо этого достала фотографию Веры у моря: девочке лет десять, она сердито смотрит на камеру, держит в руках большое ведро. За спиной Кирилл показывает ей рожки.

Ирина перевернула карточку. На обороте было её собственное: «Август. Дождь третий день». В кадре дождя не было. Было только обиженное лицо дочери, которое теперь казалось смешным.

Вера пришла помочь с бумагами и нашла мать сидящей на полу.

— Ты что здесь устроила?

— Ищу куртку. То есть фотографию. Смотри.

Вера присела рядом, взяла снимок.

— Я здесь ведро потеряла. Потом нашли, а оно чужое оказалось.

— Не помню.

— Кирилл сказал, что моё. Оно было такое же. Я ходила по пляжу, доказывала какой-то девочке, что это она у меня взяла. А моё потом из-под кровати достали.

Ирина посмотрела внимательнее.

— Он тебя подговорил?

— Нет. Он просто сказал, что похоже. Я сама решила. Он потом смеялся до вечера, я его лопаткой ударила.

— За это и стоишь такая?

— Наверное.

Вера улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Она положила фотографию на колено.

— Я иногда не могу вспомнить его голос. Точно. Только как он смеётся.

Ирина медленно закрыла пустой конверт.

— Я голос помню. А руки уже нет. Как он чашку держал, как хлеб резал. Смотрю на фото — вижу. Без фото нет.

Они некоторое время сидели молча. Из кухни доносился Романов разговор по телефону: он спрашивал про верёвки, повторял длину, уточнял состояние. Вера перебирала фотографии, складывая их по годам, потом перестала — мать никогда не хранила их в таком порядке.

— Мам, ты хочешь, чтобы я шла?

Ирина не сразу ответила.

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Вера положила снимки в конверт. Ирина коснулась её запястья.

— Ты можешь отказаться. Я не скажу тебе, что ты бросила брата.

— Я знаю.

— Не знаю, знаешь ли.

Вера посмотрела на мать. Ирина держала её руку легко, не удерживая. На пальцах были мелкие проколы от иглы, старые и новые.

— Я иду не только из-за папы, — сказала Вера. — И не потому, что больше некому. Мы можем это сделать, если условия позволят. Я хочу попробовать. С ним или без него.

Ирина кивнула. Потом попросила дочь достать с верхней полки пустую коробку. Вера встала, принесла. В коробку мать сложила свои выкройки и несколько книг по костюму.

— Куда это?

— Хочу убрать отдельно.

Вера посмотрела на неё, но не спросила больше. Только помогла закрыть крышку и написала сбоку карандашом: «Мамино».

* * *

Вечером Роман нашёл Олега у спортивного зала. Доронин помогал Макару переносить ящики со снаряжением. Роман взялся за один, но Олег придержал его с другой стороны:

— Вдвоём. Там железо.

Они поставили ящик у стены. Макар ушёл за следующим, а Роман остался рядом с Дорониным.

— Спасибо, что согласился.

— Мы ещё не вышли.

— Всё равно.

Олег выпрямился, потёр поясницу. Роман заметил, что у него сломан край ногтя на большом пальце.

— Ты в ту ночь помнишь, о чём он говорил? — спросил Роман.

Доронин посмотрел на него так, что тот сразу захотел забрать вопрос обратно.

— В какую?

— Перед тем. В последнюю.

— Рома, мы это обсуждали.

— Я знаю. Просто сейчас...

Олег присел на ящик. Не приглашал Романа садиться, но тот сел рядом.

— Он ругался из-за ботинка. Натёр. Хотел на следующий сезон другой купить. Ещё говорил, что ему надоела работа с клиентами. Хотел больше своих выходов, меньше улыбаться людям, которые не слушают. Ты тогда на меня рассердился, когда я это сказал.

Роман вспомнил. Он ответил, что Кирилл любил работать с людьми и не мог такого говорить. Олег замолчал, а потом они оба сделали вид, что разговор был о другом.

— Я не помню, чтобы сердился.

— Я помню.

Макар вернулся с маленькой сумкой, увидел их и прошёл мимо. Роман посмотрел на свои ладони.

— Он мне говорил, что всё хорошо.

— Может, и было хорошо. Можно уставать от хорошей работы.

— Он хотел ко мне вернуться. В секцию.

Олег не ответил. Роман повернулся к нему.

— Что?

— Мне он говорил, что пока не хочет. Что вы будете всё время спорить.

Роман почувствовал злость, привычную и почти удобную. Олег мог неправильно понять. Кирилл мог сказать сгоряча. Сын имел право жаловаться приятелю, это не отменяло того, что говорил отцу.

— Я его не держал.

— Я не сказал, что держал.

Доронин поднялся, взял оставленную Макаром сумку и понёс внутрь. Роман остался на ящике. Через минуту из зала высунулся мальчик, которому он починил шлем, и спросил, будет ли сегодня занятие.

— Будет, — сказал Роман.

— А вы?

Он посмотрел на дверь, за которой исчез Олег.

— Я тоже буду.

Мальчик убежал. Роман встал, поднял тяжёлую крышку ящика, проверил, не придавили ли верёвкой край ремня, и только потом пошёл к детям.

Глава 5. Кто держит конец

На тренировке Роману досталась роль пострадавшего. Вера сказала об этом так буднично, что сначала он решил: шутит.

— Почему я?

— Потому что ты вчера работал на верхней точке. Сегодня меняемся.

— Макар легче.

— Поэтому сейчас ты.

Макар, уже раскладывавший носилки, поднял голову, но ничего не добавил. Они занимались на учебном рельефе, где можно было спокойно проверить совместную работу и остановиться, если что-то шло не так. Роман знал все элементы по отдельности. Трудность начиналась там, где пять других людей делали их одновременно и каждый имел привычку, приобретённую без него.

Он лёг, устроил затылок неудобнее, чем требовалось, и стал смотреть в небо. Облака двигались быстро. Ветви у края площадки почти не шевелились, и это казалось ошибкой: над ними дул ветер, а здесь стояла жара.

Юлия проверила, удобно ли ему, и поправила ткань у плеча.

— Руки не высовывай. Даже если тебе очень нужно показать, что мы делаем не так.

— Я молчу.

— Уже хорошо.

Начали перенос. Роман сразу почувствовал, что правый край идёт чуть выше. Он повернул голову, собираясь сказать, но Вера остановила группу прежде, чем он успел. Они обсудили расстановку, поменяли людей местами, повторили. Во второй раз стало ровнее.

Потом проверяли работу на верёвках. Роман не видел всех, кто его держал. Слышал короткие команды, чужое дыхание, скрежет ботинка по камню. Ему хотелось приподняться и посмотреть самому. Юлия, находившаяся рядом, каждый раз замечала движение и спокойно возвращала его в роль.

— Ты сейчас не помощник. Ты человек, которого несут.

— Я ещё не умер.

— Поэтому и несут аккуратно.

Он замолчал. Слова задели неожиданно, хотя Юлия не вложила в них ничего особенного. Роман смотрел на край неба, доступный из его положения, и вдруг подумал о Кирилле: как его будут укладывать, как поднимать, кто поправит ткань возле головы. Ему захотелось немедленно встать.

Вера увидела его лицо и остановила упражнение.

— Всё нормально? — спросила она, присев рядом.

Роман мог сказать, что затекла спина. Это было бы почти правдой.

— Да. Продолжайте.

Она не сразу поверила.

— Если надо поменяться, скажи.

— Не надо. Я полежу.

Они закончили проход. Когда его поставили на землю, Роман ещё несколько секунд не двигался, хотя уже мог. Макар растёгивал крепления, Олег держал край, Юлия спрашивала, не натёрло ли где-нибудь. Вера записывала то, что нужно было изменить в порядке работы.

— Теперь я, — сказал Азамат и растянулся на свободном участке травы. — Только сначала дайте воды. Пострадавший возмущается обслуживанием.

Роман принёс ему бутылку. Азамат пил лежа, поперхнулся и сел, рассмеявшись. Роман подождал, пока он откашляется, и забрал бутылку.

* * *

К концу июля подготовка заняла почти три недели. Несколько раз переносили предварительную дату отъезда. Один раз не подходила погода, другой — не успевал человек, без которого было нельзя закончить согласование. Роман каждый перенос воспринимал отдельно, будто прежние ожидания не должны были иметь продолжения.

Вера стала заходить к нему в мастерскую по вечерам. Приносила списки, забирала исправленное, спрашивала о том, что он успел. Она не приходила просто посидеть, и он думал, что дочь снова появляется у него только ради дела. Потом замечал, что сам первым делом спрашивает у неё про группу, и больше ни о чём.

Однажды он всё-таки спросил:

— Как Денис?

Вера остановилась у двери.

— Работает. Нормально.

— Он не против, что ты идёшь?

— Он не может запретить.

— Я не про запрет.

Она поставила сумку на пол.

— Он боится. И сердится. Мы собирались вместе уехать. Теперь не получается.

Роман кивнул. Он мог бы сказать, что Денис должен понимать, что бывают вещи важнее отпуска. Уже приготовил фразу и вдруг услышал в ней себя молодого: Ирина стоит с двумя детскими куртками у двери, а он объясняет, почему сегодня не сможет поехать с ними.

— Жалко, — сказал он вместо этого.

Вера посмотрела на него с удивлением.

— Да. Жалко.

Потом рассказала, что Денису предложили работу в другом городе. Не окончательно, пока обсуждали. Она сама могла бы вести там занятия в новом зале и приезжать в горы на сезон, но ничего не решила. Роман слушал, чувствуя, как быстро его дочь может оказаться далеко, даже если они сейчас вместе идут к одному месту.

— А здесь вам плохо?

— Здесь нам привычно. Это не одно и то же.

Он захотел спросить, почему узнаёт об этом только сейчас. Потом вспомнил, когда в последний раз интересовался её работой не ради собственных сборов, и не нашёл дня.

Вера подняла сумку.

— Я ещё ничего не решила, пап. Не надо уже думать, что я уезжаю навсегда.

— Я не думаю.

Она улыбнулась, и он понял, что не убедил её.

* * *

Азамат привёз дочь на последнюю сверку снаряжения. Десятилетняя Амина сидела на лавке с книжкой, пока взрослые раскладывали вещи, но читала плохо: всё время поднимала глаза.

Макар дал ей весы и поручил записывать массу пакетов. Девочка сразу стала серьёзной. Переспрашивала, как писать фамилии, ставила запятые ровнее, чем сами цифры. Когда Роман положил на весы свой рюкзак, она нахмурилась.

— Здесь больше.

— Так и запиши.

Вера подошла посмотреть. Разница оказалась не той, о которой договаривались. Роман добавил запасную тёплую вещь и старый металлический термос.

— Куртку оставляем, — сказала Вера. — Термос меняем. Этот тяжёлый и крышка подтекает.

— Она не подтекает.

Амина подняла палец, но промолчала. Азамат заметил.

— Говори.

— У него на рюкзаке мокро.

Все посмотрели вниз. Под термосом темнело небольшое пятно. Роман поднял его, проверил крышку. Она действительно пропускала, если наклонить.

— Это я плохо закрыл.

Вера взяла термос, закрыла сама, перевернула над тряпкой. На ткани появились две капли.

— Он хороший, — сказал Роман. — Просто прокладку поменять.

— Поменяем потом. На выход возьмёшь другой.

Амина старательно вычеркнула прежнее число. Роман почувствовал себя пойманным перед ребёнком и рассердился на собственный термос. Он служил много лет, пережил переезды и падения, а теперь не сумел выдержать простого переворота над тряпкой.

— У меня папа тоже всё чинит, — сказала девочка. — Даже когда мы уже купили новое.

Азамат посмотрел на неё.

— Это семейная информация.

— Ты сам велел говорить.

Макар рассмеялся первым. Потом Юлия, потом Вера. Роман тоже улыбнулся, поставил термос в сторону и попросил Амину переписать вес после замены.

Сверяли не только вещи. Вера и Азамат ещё раз проговорили связь с лагерем, резервные сообщения, контрольные сроки. У дежуривших внизу должны были остаться маршрут, состав и понятный порядок действий, если группа не выходит на связь. Спутниковое устройство проверили отдельно; телефон с привычными номерами не считался запасом сам по себе. Олег попросил каждого показать, где лежит то, что понадобится при его собственной недееспособности. Юлия пересмотрела медицинское имущество и упаковку, Макар проверил крепления и ремкомплект.

Роман знал цену этой работе, но всё равно ловил себя на нетерпении. Ему хотелось закрыть рюкзак. Чтобы существовал предмет, который уже готов, и больше не надо было отвечать на вопросы.

Когда всё закончили, Амина подошла к отцу и молча прижалась лбом к его животу. Азамат положил ладонь ей на затылок, продолжая слушать Веру. Девочка толкнула его сильнее.

— Что? — спросил он, наклонившись.

— Ты обещал мороженое.

— Сейчас пойдём.

— Ты час назад сказал «сейчас».

Азамат посмотрел на часы, признал поражение и стал собираться. Роман хотел задержать его ещё на пять минут, спросить о новой фотографии, но не стал. Амина уже держала отца за два пальца, ведя к выходу.

* * *

В ночь перед отъездом Роман плохо спал. Лежал на диване в комнате, где последние годы чаще ночевал, чем в спальне, и слушал, как Ирина ходит за стеной. Между ними давно

установился порядок, который никто не называл отдельной жизнью: ему мешал её будильник, ей — его бессонница; у каждого была разумная причина закрывать свою дверь.

Он встал, прошёл на кухню. Ирина сидела у стола, пришивая пуговицу к своей кофте. Утром ей надо было на работу.

— Ты чего не спишь?

— Ты тоже.

Роман налил воды и сел напротив. На столе лежали ножницы, катушка и маленькая тарелка с двумя абрикосовыми косточками. Он хотел спросить, зачем она их оставила, и понял, что это была бы попытка говорить о чём угодно.

— Я постараюсь его привезти, — сказал он.

Ирина продолжала шить.

— Я знаю.

— Всё подготовили. Не как тогда. Сейчас понимаем место, люди хорошие.

— Тогда тоже были хорошие люди.

Он замолчал. Ирина закрепила нитку, откусить не стала — взяла ножницы, аккуратно срезала.

— Рома, я не хочу провожать тебя так, будто последний раз. Но я не могу сказать тебе, что всё будет хорошо.

— Я этого и не прошу.

— Просишь. Когда рассказываешь мне по пятому разу, как вы подготовились.

Он поставил стакан на стол. Вода дрогнула, хотя рука казалась спокойной.

— А что мне сказать?

Ирина сложила кофту.

— Что ты вернёшься, если Вера скажет. И не будешь потом всю жизнь считать её виноватой.

Роман посмотрел на жену. Он дал дочери обещание, и ему казалось, что этого достаточно. Но Ирина говорила о том, что происходило после: о молчании за столом, о взгляде на фотографию, о фразе, которую можно произнести через год и сделать чужую жизнь теснее.

— Я постараюсь, — сказал он.

Ирина кивнула. На этот ответ она согласилась.

Перед рассветом он вынес баул в коридор. Ирина вышла проводить в старом халате, поправила у него воротник, хотя тот лежал ровно, и обняла. Роман почувствовал её лопатку под тонкой тканью. Она похудела, а он всё время видел её такой, какой привык.

— Позвони из лагеря, — сказала она.

— Позвоню.

— Не только Вере скажи, чтобы позвонила. Сам.

Он пообещал. На лестнице баул ударился о перила. Роман остановился, перехватил ручку и понёс осторожнее, чтобы не разбудить соседей.

Глава 6. Выше села

В машине Роман сел возле окна и почти сразу понял, что ошибся: солнце било ему в лицо. Меняться местами не хотелось. Он натянул кепку, упёрся коленом в сумку и стал смотреть на дорогу, по которой ездил столько раз, что отдельные повороты вспоминались раньше, чем появлялись.

Нальчик остался позади вместе с утренними автобусами, ларьками, людьми, несущими хлеб. Впереди долина сужалась. Горные склоны ещё были зелёными, и после городской жары это казалось обещанием прохлады, хотя в салоне становилось только душнее.

Юлия попросила остановиться не потому, что ей было плохо, а потому, что Роман уже третий раз поправлял сумку у ноги и молчал. Водитель нашёл место, где можно было безопасно съехать. Все вышли размяться. Макар вытянул руки над головой, Олег присел на корточки возле колеса, Азамат отошёл позвонить жене.

Вера достала воду.

— Поменяемся? — спросила она отца.

— Нормально мне.

— Я на солнце лучше переносу.

Роман посмотрел на неё. Она не стала объяснять, что это забота, и он пересел. На новом месте оказалось прохладнее. Ему стало досадно, что потребовалась остановка всей машины ради перемены, которую можно было предложить час назад.

В селе Безенги они задержались у магазина. Азамат забрал оставленную для него посылку и купил хлеб. Вера стояла возле машины, проверяя, всё ли закреплено для дальнейшей дороги. Роман смотрел на дома, на женщину у ворот, на мальчишек с мячом. Здесь люди жили рядом с горами, которые для приехавших становились целью, испытанием, фотографией. Женщина вытряхивала половик, один мальчик спорил с другим из-за гола, и ни один не смотрел туда, куда смотрел Роман.

Азамат вернулся с пакетом и длинной узкой коробкой.

— Это нам? — спросил Макар.

— Нет. Соседу. В лагере работает, попросил забрать.

— Что там?

— Карниз.

Макар улыбнулся.

— Самое нужное в горах.

— Если у тебя занавеска на голову падает — самое.

Коробку уложили вдоль сумок. До лагеря ехали медленнее. Машину встряхивало, разговоры обрывались на выбоинах, и Роман постепенно перестал искать удобное положение. Он смотрел вперёд, туда, где над складками долины открывались светлые вершины. В детстве ему казалось, что горы стоят тесно, касаясь друг друга. Потом он научился видеть расстояния между ними, пути, кулуары, долины, которых не замечает человек с дороги. Теперь всё это снова собралось в одну белую преграду, за которой лежал сын.

* * *

Павел Ребров встретил их возле корпуса с такой радостью, будто они приехали на обычные сборы. Обнял Романа, хлопнул Олега по плечу, помог Юлии снять рюкзак. Потом поздоровался с Верой уже иначе, деловито, и спросил, где у неё окончательный список.

Реброву было пятьдесят четыре. Он много лет работал инструктором, знал район и согласился вести нижнюю часть их организации: связь, транспорт, сообщения, готовность помощи. Роман когда-то ходил с ним трудный маршрут и с тех пор считал человеком, которому можно доверить неприятные слова. Павел говорил их без удовольствия.

Вместе с ним оставался Илья Крестов, крепкий светловолосый альпинист, знакомый Вере по сборам. Он помогал с заброской и должен был находиться в доступности на время верхней работы. План на случай аварии согласовали с теми, кто действительно организует спасение, а Ребров следил, чтобы нужные сведения не затерялись между телефонными разговорами.

— Сначала размещайтесь, — сказал он. — Потом еда. Вечером сядем.

Роман хотел сразу посмотреть новые материалы, но Вера уже взяла ключи. Она поселилась с Юлией, мужчины — в соседней комнате. Олег поставил сумку на нижнюю койку, Макар без спора полез наверх. Роман выбрал место у окна. В комнате пахло деревом, мокрыми ботинками и стиральным порошком.

Он распаковал вещи, повесил куртку, положил телефон на подоконник. Связь появлялась и исчезала. Выйдя наружу, нашёл место, откуда можно было позвонить Ирине.

— Доехали, — сказал он.

— Хорошо. Как Вера?

— Нормально. Все нормально.

— Ты ел?

— Сейчас пойдём.

Ирина спросила о комнате, о погоде, о дороге. Роман отвечал, глядя на людей, проходивших с верёвками через плечо. Ему хотелось, чтобы она спросила про Кирилла, про то, когда они выйдут. Но она не спросила.

— У нас сегодня примерка была, — сказала Ирина. — Тот парень рукав порвал. Я только закончила.

— Как порвал?

— Размахнулся. Он у нас государь деятельный.

Роман улыбнулся.

— Починила?

— Нет, повесила его за этот рукав. Конечно, починила.

Он услышал в её голосе усталый смех и неожиданно почувствовал, как далеко уже уехал. Не по километрам: её день продолжался без него, и в нём были вещи, которых он не видел.

После разговора Роман ещё постоял с телефоном. Потом сделал фотографию двора и отправил жене. На снимке вышел край его пальца. Он хотел переснять, но Ирина уже ответила: «Вижу. Палец тоже доехал».

* * *

Вечером они собрались у Реброва. На столе лежали карты, снимки и записи последних наблюдений. Вера открыла тетрадь, Азамат подвинул стул ближе. Роман устроился напротив дочери, чтобы лучше видеть её лицо.

Павел начал не с тела. Спросил, кто когда был на высоте, как спал последние дни, не заболел ли кто по дороге. Макар ответил слишком быстро, и Юлия велела ему не изображать бессмертного: лёгкий насморк сам по себе не делал его непригодным, но скрывать его было глупо. Макар признался, что горло першило утром и теперь прошло.

Затем обсуждали акклиматизацию. Нужны были последовательные выходы, возвращения, оценка состояния. Часть работы и груза можно было совместить с подготовительными

подъёмами, но нельзя было объявить каждый такой день прямым движением к останкам. Роман слушал, отмечая, сколько времени снова проходит мимо цели.

Ребров показал новый снимок. Снег возле тёмного кармана изменился, край жёлтого мешочка ещё был виден. Никакой гарантии, что весь путь остаётся таким же, не было. Люди, сообщившие о находке, не могли дать им готовую схему работы.

— Сверху к ней не спуститься? — спросил Роман.

Азамат объяснил, почему по имеющимся сведениям верхний подход не выглядит проще. Потребовались бы другой выход, другая проверка, больше времени на открытом рельефе. Вера добавила, что решение всё равно будут принимать по осмотру. Они не обязаны держаться первого варианта только потому, что нарисовали его дома.

— А вертолёт? — спросил Макар.

Ребров развернул снимок. Возле самой находки не было удобного открытого места для работы машины; скальный борт и конфигурация участка осложняли подход. Вопрос уже обсуждали со специалистами. Если понадобится авиация, её возможность будут оценивать отдельно по погоде, месту и задаче. Заказать себе гарантированный подъём из этого кармана было нельзя.

— Я спрашиваю не для тела, — уточнил Макар. — Для нас, если понадобится.

— Для нас тоже нет обещанного прилёта, — сказал Павел. — Есть план связи и варианты, которые смотрят по факту. Вот эти места ниже мы отдельно держим в голове. Но сначала до них надо дойти.

Роман увидел, как дочь отмечает их в своей записи. Ему не нравилось количество способов вернуться: каждый будто существовал за счёт ещё одного способа дойти. Потом он вспомнил носилки на тренировке и заставил себя смотреть на карту внимательнее.

Павел попросил повторить контрольные сроки. Делал это не как проверку памяти, а потому, что хотел услышать одинаковые слова от всех. Вера отвечала первой, Азамат уточнял, Олег записывал на маленьком листе. Роман достал очки и тоже переписал. Макар заметил это, но ничего не сказал.

* * *

После ужина во дворе пели. Негромко, под расстроенную гитару. Чужая группа отмечала возвращение, кто-то смеялся над собственной фотографией, у кого-то порвался пакет с сухарями. Роман сел в стороне и слушал. Он помнил этот звук: ложки в кружках, голоса, которые ещё не хотят расходиться, чьи-то шаги по деревянному крыльцу.

К нему подошёл мужчина, которого он не узнал сразу. Бывший ученик, теперь седой в бороде, с дочерью-подростком. Он представился, напомнил год, маршрут, смешной случай с палаткой. Роман вспомнил и обрадовался.

— Вы зачем приехали? — спросил тот.

Роман посмотрел на девочку. Она стояла рядом с отцом и терпеливо ждала, пока взрослые закончат прошлое.

— Работа есть, — ответил он.

Мужчина понял, что спрашивать дальше не надо. Рассказал про дочь: первый раз привёз, пока ходят простое, она всем довольна, кроме ранних подъёмов. Девочка возразила, что недовольна ещё кашей. Роман спросил, какой именно. Оказалось, всякой.

— Трудный случай, — сказал он. — Я тоже с кашей не договорился за столько лет.

Девочка улыбнулась. Мужчина обещал подойти ещё и ушёл к своей группе.

Вера наблюдала с крыльца. Роман заметил её только после разговора. Она держала две кружки, одну протянула ему.

— Ты его вспомнил?

— Да. Совсем мальчишкой был.

— Теперь с дочкой.

— Вижу.

Она села рядом. Некоторое время они пили чай и слушали песню. Роман вдруг вспомнил, как Вера в четырнадцать лет тоже говорила, что ненавидит кашу, а он заставлял её доедать перед выходом. Кирилл ел всё и просил добавки. От этого сравнения было не уйти, но впервые Роман не произнёс его вслух.

— Ты здесь первый раз со мной была в каком году? — спросил он.

— В девятом. Мне семнадцать.

— Не раньше?

— Ты путаешь с другой поездкой. Тогда Кирилл здесь был, я дома оставалась. У меня экзамены.

Роман медленно кивнул. В его памяти они стояли вдвоём возле этих корпусов, хотя Веры в тот год не было.

— А в девятом ты меня не пустил на выход, — добавила она. — Я злилась страшно.

— Почему не пустил?

— Температура была. Ты прав был. Только я всё равно злилась.

Он посмотрел на дочь. Она говорила без упрёка, почти весело, и это позволяло вспомнить больше, чем если бы требовала ответа.

— Ты тогда окно открыла, чтобы градусник остудить, — сказал он.

— Я его под воду сунула. Ты перепутал.

Роман рассмеялся. Вера тоже. Гитара на другой стороне двора взяла неверный аккорд, певшие остановились, начали заново. Роман допил чай и впервые за весь день не почувствовал, что должен сейчас же подняться и что-нибудь сделать.

Глава 7. Медленнее, чем умеешь

На первом выходе Макар ушёл вперёд слишком бодро. Не настолько, чтобы оторваться, но достаточно, чтобы Роман захотел прибавить шаг. Вера, шедшая между ними, оглянулась и попросила Макара снизить темп.

— Я могу подождать там, — сказал он, показав на поворот.

— Здесь иди медленнее.

Макар послушался. Роман знал, что дочь права: они вышли не проверять, кто сильнее, и не выигрывать у утра десять минут. Но в теле уже проснулось знакомое удовольствие от нагрузки. Город остался ниже, рюкзак сидел удобно, ноги помнили камень. Хотелось двигаться так, как умеешь, пока никто не напоминает, что умеешь теперь немного иначе.

Тропа шла по морене. Под ногами попадались то плоские устойчивые камни, то мелкая осыпь, которая сдвигалась при каждом шаге. Слева открывался склон, справа местность уходила к шуму воды. Роман смотрел на путь впереди, выбирал опору, переносил вес.

Через час они остановились. Юлия достала еду, Олег сел спиной к большому камню. Азамат посмотрел дальше по долине, потом на небо. День был ясный, но к вершинам уже тянулись тонкие облачные полосы.

Роман снял кепку. Лоб оказался мокрым. Он почувствовал, что дышит тяжелее, чем хотел бы показать, и стал медленно вынимать бутылку, выигрывая время.

— Как? — спросила Юлия.

— Хорошо.

— Голова?

— Не болит.

— Есть хочешь?

— Хочу.

Она протянула ему кусок сыра. Роман взял, откусил и только тогда заметил, как внимательно смотрела дочь. Он поднял сыр, словно доказательство.

— Ем, видишь?

— Вижу.

Макар достал маленькую банку сгущёнки. Азамат посмотрел на неё с уважением.

— Ты это до верха понесёшь?

— Это на сегодня.

— Тогда я с тобой дружу только сегодня.

Банку открыли, передали по кругу. Олег отказался, потом всё-таки взял ложку. Роман вспомнил, как Кирилл ел сгущёнку прямо из банки, запрокинув голову. Хотел рассказать, но Макар уже начал спорить с Азаматом о том, сколько весит пустая тара, и Роман остался слушать.

Дальше шли спокойно. Вера иногда останавливалась, показывала не отцу, а всей группе новые особенности пути: где вода подмыла край, где лучше пройти шире, где свежий след мог обмануть. Роман видел, что она умеет говорить без лишних объяснений. Люди не обижались, не спорили ради собственного опыта. Он поймал себя на гордости и почти сразу — на желании сообщить ей об этом так, чтобы получилось награждение. Промолчал.

До намеченной точки дошли раньше, чем Роман устал всерьёз. Именно это было труднее всего принять. Впереди оставался видимый путь, день ещё не кончался, а они уже разворачивались.

— Можем ещё немного, — сказал он.

— Сегодня достаточно, — ответила Вера.

Он посмотрел на Азамата. Тот убирал куртку, не вступая в разговор. Роман понял, что поддержки не будет, и тоже стал собираться.

На спуске он шёл первым в своей маленькой части группы, выбирая место для ноги. Вниз было легче дышать, но колени ощущали каждый неровный шаг. У одного поворота Макар поскользнулся на мелком камне, удержался и сердито оглянулся на землю. Роман автоматически протянул руку, хотя был слишком далеко, чтобы помочь.

— Сам, — сказал Макар, больше себе, чем ему.

Они продолжили. Через несколько минут молодой человек замедлился и пошёл внимательнее. Роман почувствовал к нему неожиданную нежность: в двадцать семь тоже приходится учиться не торопиться, только признавать это ещё обиднее.

* * *

Вечером у Романа заболела голова. Несильно, тупо, как после душной комнаты. Он пил воду, лежал с открытыми глазами и ждал, пока пройдет. Вера зашла спросить о завтрашнем порядке и сразу заметила, что он выключил свет раньше остальных.

— Что с тобой?

— Устал.

Она подошла ближе.

— Голова?

Он хотел сказать «чуть-чуть», но это уже было бы попыткой назначить симптом неважным.

— Да. После ужина началось.

Вера позвала Юлию. Та расспросила его, проверила состояние, не стала ни пугать, ни объявлять всё пустяком. На утро дополнительного набора высоты пока не планировали. Если самочувствие не придёт в норму, изменят подготовку.

— Я же не первый раз здесь, — сказал Роман.

— Я тоже, — ответила Юлия. — Моя голова иногда забывает справку об опыте.

Олег принёс тёплое питьё, поставил возле кровати. Макар перестал шуршать пакетом и вышел с ним в коридор. Роману стало стыдно, что из-за него меняется вечер всей комнаты.

— Вы можете не сидеть тихо, — сказал он.

— Мы и не собирались, — ответил Олег. — Я сам спать хочу.

К ночи боль ослабла. Утром Роман проснулся раньше будильника, чувствовал себя лучше, но не стал сразу вскакивать. Лежал и слушал, как за стеной кто-то кашляет, как в коридоре ставят ботинки. Когда Юлия зашла, он сам рассказал, когда уснул, просыпался ли, что чувствует сейчас.

Она кивнула и сказала, что сегодня всё равно остаётся лёгкий день. Роман не спорил. Это удивило его больше, чем её.

* * *

Свободное время оказалось трудно заполнить. Роман починил лямку на чужом рюкзаке, помог перенести ящик, проверил собственную обувь, потом сел на лавку и через пять минут поднялся. На горе он мог часами идти в одном темпе. Внизу не выдерживал без дела и четверти часа.

Вера нашла его возле стены, где группа новичков занималась с инструктором. Роман смотрел, как юноша пытается выполнить знакомое движение, и уже открыл рот, чтобы подсказать.

— Не мешай человеку вести занятие, — тихо сказала дочь.

— Я не мешаю.

— Ещё нет.

Он отошёл с ней. Они прошли к краю лагеря, где было тише. Вера несла две кружки; одну отдала отцу. Он вдруг понял, что это уже второй раз за несколько дней она приносит ему чай, и захотел в следующий раз успеть первым.

— У тебя как занятия идут? — спросил он.

— Сейчас меня заменяет коллега Макара. Потом отработаю её дни.

— Я не про сейчас. Вообще.

Вера посмотрела на него.

— Нормально. Детская группа растёт. Взрослые по-разному. Одни хотят научиться, другие хотят, чтобы им подтвердили, что они уже умеют.

Роман усмехнулся.

— Знакомо.

— Очень.

Она рассказала о женщине, которая пришла после сорока и боялась оторвать обе ноги от пола, о мальчике, который каждый раз придумывал себе новую фамилию для списка, о двух подругах, споривших, кто кого привёл. Роман слушал, постепенно переставая искать место для своего совета. Дочь умела рассказывать смешно; он почти забыл это.

— А ты сама чего хочешь? — спросил он.

Вера некоторое время смотрела на кружку.

— От работы?

— Да.

— Больше своих решений. Меньше собирать всё на коленке. Хороший зал, нормальный график, возможность уходить на сезон без того, чтобы потом месяц восстанавливать группу. И в горы хочу. Это не отменяет друг друга.

— Я и не говорил.

— Знаю. Я сама себе говорю.

Она села на камень. Роман остался стоять, потом тоже сел рядом, осторожно опустив кружку между ступнями.

— Мне в Тверь предлагают, — сказала она.

— Денису?

— Ему работа там. Мне — вести направление в новом зале. Мы смотрели вместе. Пока разговариваем.

Роман повторил про себя название города. Тверь была далеко от этого ущелья, от Нальчика, от всех дорог, на которых он мог встретить дочь случайно.

— А горы?

— На сезон можно приезжать. И другие районы есть.

— Конечно.

Он сказал слишком быстро. Вера заметила, но не стала дожимать.

— Это ещё не решение, папа.

— Ты мне скажешь, когда будет?

— Скажу.

Из лагеря донёсся смех. Роман посмотрел туда и вспомнил день, когда Вера принесла домой диплом с соревнований. Он тогда собирал материалы для очередной попытки поиска Кирилла, говорил по телефону и попросил положить диплом на стол. Потом увидел его под бумагами, но дочь уже уехала.

Он помнил бумагу. Не мог вспомнить место.

— Ты тогда второе заняла? — спросил он.

— Когда?

Он объяснил. Вера отвернулась.

— Первое.

— Прости. Я...

— Не надо сейчас.

Роман замолчал. Она подняла кружку, сделала глоток, поморщилась: чай остыл. Некоторое время смотрела в сторону лагеря. Он решил, что сейчас она встанет и уйдёт.

— Я тебе даже фотографии не показала, — сказала Вера. — Всё про одно и то же говорим.

Она достала телефон, нашла снимок большого пустого помещения. Роман наклонился ближе.

— Вот здесь учебная часть. А это пока просто стенка. Они хотят всё открыть сразу, к осени.

— Успеют?

— Стройку, может, успеют. Людей я ещё не видела. Мне самой набирать, если договоримся.

Она увеличила снимок, показывая дальний угол. Роман спросил о высоте и покрытии, Вера подвинула изображение, объяснила, что уже выбрано, а что ещё можно изменить. Когда экран погас, он увидел на нём их два склонённых лица.

— Сам город тебе нравится?

— Не знаю, — сказала Вера. — Я там два дня была. Мне понравилось, что можно долго идти вдоль воды и никуда не подниматься.

Роман улыбнулся. Дочь тоже.

* * *

Через день они снова вышли выше. На этот раз Роман не пытался держаться за Макаром. Шёл своим ровным шагом, останавливался вместе со всеми, говорил о самочувствии без ожидания вопроса. Голова не болела. Воздух был прохладнее, солнце светило жёстче, и каждый раз, снимая перчатку, он чувствовал, как быстро остывают пальцы в тени.

Часть груза оставили в согласованном месте для следующего выхода, проверив упаковку и защиту. Это была ещё не окончательная заброска всей операции. Азамат и Вера осмотрели подход дальше, вернулись с уточнениями. Роман в это время помогал Олегу с креплениями на грузовом мешке. Работа получалась привычная, руки снова знали, чем заняться.

На обратном пути они увидели стену Северного массива открытой между облаками. Вера остановилась первой. Никто не заговорил. Свет лежал на снегу так, что отдельные складки казались голубыми, почти прозрачными, а скалы под ними были чёрными и тяжёлыми.

Роман много раз смотрел на эти горы и всё равно не мог привыкнуть к их размеру. На фотографиях он всегда искал знакомую линию. Здесь взгляд не удерживал целого. Надо было двигать головой, поднимать подбородок, снова опускать глаза, чтобы понять, где ты сам.

Макар тихо сказал, что ради такого вида можно простить утреннюю кашу. Азамат ответил, что каша ничего плохого ему не сделала. Юлия попросила их помолчать ещё минуту, и оба подчинились.

Роман смотрел, пока облако не закрыло верхний край. Потом повернулся и увидел, что дочь всё это время стояла рядом, запрокинув лицо так же, как он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.